

AFP/MOBAL / THE PICTURE DESK

«Ангелы ада». Режиссер Говард Хьюз, 1930 год

французского комсомола, кончивший жизнь фюрером французских нацистов. Все они герои-орденоносцы, братья по крови, все они «потерянное поколение».

*

«Когда я слышу слово „культура“, я снимаю с предохранителя свой браунинг»: реплика из драмы «Шлагетер» — о молодом ветеране, продолжавшем мировую войну в одиночку, пуская под откос французские поезда, — стала синонимом нацистского варварства. Еще бы: ее автор — Ганс Йост, будущий группенфюрер СС, президент Палаты писателей рейха, посвятил пьесу «Адольфу Гитлеру с любовью и непоколебимой верностью». Напиши ее кто другой, и звучала бы она иначе. А написать ее мог кто угодно. Под ней подписались бы любые — «черные», «красные» — фронтовики, убивавшие друг друга в уличных рукопашных. Разве не то же самое выкрикивали на своем птичьем языке дадаисты — интернационал-

дезертиры и уклонисты, укрывшиеся на швейцарском «ковчеге» посреди кровавого океана. Их Великое Ничто, как и автоматическое письмо сюрреалистов, было безусловно предпочтительнее культуры, допустившей, накликавшей войну.

Йост грезил смертью за фатерланд. Луи Арагон (фронтной санитар, кавалер Военного креста) клялся, что сюрреалисты «всегда протянут врагу руку», Макс Эрнст (артиллерист, тяжело раненный) якобы ударил 64-летнюю писательницу Рашильд, сказавшую, что честная француженка никогда не выйдет за немца. Но это все детали.

В 1914-м случилась не мировая война. Назвать ее величайшей геополитической катастрофой всей новой истории справедливо, но недостаточно. Случился Страшный суд. Мясорубка траншей; сотни тысяч polegших в боях «за домик паромщика» под Верденом; заградотряды и солдаты, расстрелянные, «чтоб другим неповадно было»; толпы безумных

слепцов, на свое горе переживших газовую атаку, — это было не самым страшным. Страшнее всего то, что судные трубы взвыли, как и положено, ни с того ни с сего.

В 1939-м все знали, что будет война, за что предстоит сражаться. В 1914-м войну — такую войну — не сулили никакие знамения. Прогресс, мораль, патриотизм, вера в одночасье оказались напевами «крысоловов». Попы, учителя, депутаты, поэты увлекли народы на бойню. «Венец творенья, боров, человек, // Ступай куда положено — в свинарник!» (Готфрид Бенн). Цивилизация шикарно покончила с собой, лишив «пушечное мясо» любых иллюзий и идеалов. Часы Европы указывали не на полночь, а на 00 часов, 00 минут. Уцелевшие выбирали «другое время».

Абстрактное время выживших ценностей: сухих портянок, крепких башмаков, котелка каши.

Первобытное время: «Ныне мы возвращаемся к тому, что было шесть столетий назад» (Гитлер).

AFP/DPA DENA

Адольф Гитлер (1889–1945)

AFP/MARTINE / ROGER-VOLLET

Жорж Скапини (1893–1976)

Михаил Тухачевский (1893–1937)

AFP/COLLECTION ROGER-VOLLET

Бертольт Брехт (1898–1956)

Гео Милев (1895–1925)

Константин Федин (1892–1977)